Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации[1,2]

Н.Г. Кедров

Николай Геннадьевич Кедров, кандидат исторических наук, научный сотрудник Вологодского государственного университета, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15 e-mail: nk149@yandex.ru

Статья посвящена анализу работ известного российского историка-аграрника Ю.А. Мошкова. Его творчество рассматривается в контексте эволюции отечественной историографии коллективизации. Автор отмечает, что Мошков впервые оказался на авансцене исторической науки в эпоху оттепели. Это был важнейший период в формировании проблематики истории советского общества. В статье отмечается, что советскими историками была предложена исследовательская программа изучения аграрных преобразований в СССР как объективного процесса становления социалистического способа производства. Книга Мошкова «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР» сыграла самую существенную роль в осуществлении задач этой программы. Высказанные в ней идеи анализируются в сравнительном контексте. Автор сопоставляет их как с концептами сталинской историографии, так и с ревизией последних, предложенной историками-аграрниками эпохи оттепели. В частности, подчеркивается, что работа Мошкова способствовала пересмотру в отечественной науке причин хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года, вопроса о верхней хронологической границе нэпа, оценок результатов коллективизации. Благодаря этому Мошков стал одной из центральных фигур в советской аграрной историографии. Также автор рассматривает треки дальнейшего восприятия работ историка. Отмечается, что, несмотря на его активное участие в историографической революции 1990-х годов, ее результаты в определенной мере ретушировали значение высказанных ранее идей ученого. В силу этого влияние его работ на развитие современных исследований коллективизации в настоящее время в полной мере еще не оценено.

Ключевые слова: советская историческая наука, аграрная историография, Ю.А. Мошков, коллективизация, колхозная система

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-76-96

---

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

2. 6 апреля 2017 года видному российскому историку Юрию Александровичу Мошкову, стоявшему у истоков изучения истории крестьянства и сельского хозяйства советского периода, исполнилось 95 лет. Публикуемая статья Н.Г. Кедрова не планировалась журналом заранее, не привязана к дате и не носит юбилейного характера. Это независимая исследовательская работа, ряд положений которой не бесспорны и, как мы надеемся, станут предметом дальнейших дискуссий. Публикуя ее, редакция полагает также, что само появление таких статей лучше всяких «юбилейных» материалов характеризует вклад ученого в науку. Журнал «Крестьяноведение» желает Юрию Александровичу Мошкову крепкого здоровья, активного долголетия и выражает надежду на плодотворное сотрудничество.

Научные труды Юрия Александровича Мошкова хорошо известны современным исследователям истории советской деревни. Казалось бы, автор «Зерновой проблемы в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР» навсегда вписал свое имя в анналы отечественной историографии. Однако мы смотрим на путь, пройденный предшествующими исследователями проблемы коллективизации, сквозь призму современных подходов и оценок. В силу этого фигура Ю.А. Мошкова оказывается в тени других историков, сыгравших более существенную роль в историографической революции рубежа 1980–1990-х годов, прежде всего В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина. Показательно, что в первом специальном издании, посвященном биографиям известных историков-аграрников, занимавшихся исследованием истории советской деревни не нашлось места для статьи о нем. (Кондрашин, 2014). Такая оценка научных заслуг Мошкова нам представляется несправедливой. И кстати, вплоть до указанного рубежа сообщество историков-аграрников воспринимало его фигуру иначе. И первому и второму обстоятельствам, однако, есть свои объяснения.

Ю.А. Мошков получил научную известность в середине 1960-х годов. Соответственно, временем формирования его исторического мировоззрения стали 1950-е–начало 1960-х годов — десятилетие, когда он был сначала студентом, аспирантом и, затем, преподавателем Московского университета. Стоит отметить, что это была важнейшая эпоха в жизни советской исторической науки, происходившие тогда процессы предопределили ее дальнейшее развитие вплоть до распада СССР. Период, вошедший в хроники политической истории страны под названием «оттепель», стал временем подлинно научного формирования историографии советской истории. Дело в том, что, в отличие от исследователей более ранних эпох, ученые, специализирующиеся на истории СССР, не могли опираться на достижения старой школы. Исследование истории советского общества в сталинские времена фактически было слито с изучением истории партии. Специалисты в этой области концентрировались преимущественно на кафедрах истории КПСС, что, конечно, накладывало свою специфику на осуществляемую ими научную работу. Идейным ядром сталинского исторического мифа был «Краткий курс истории ВКП(б)». Режим не допускал каких-либо вольных трактовок этого «священного писания», в силу чего изучение советской истории на деле превращалось в обычное комментирование его положений. Отсутствовали и организационные условия для независимого обмена мнениями. Научные мероприятия представляли собой по большей части парадно-декларативные собрания, посвященные выражению лояльности и прославлению вождей партии, а неверно сказанное слово могло повлечь за собой политические обвинения. Таким образом, в академическом мире отсутствовала дискуссионность — важнейшее условие для формирования любой науки. Вызревание в этой среде предпосылок появления научной историографии само по себе является любопытной темой, выходящей, правда, за рамки нашего исследования. Здесь же

отметим, что смерть И.В. Сталина стала не только началом политического обновления страны, но и толчком для бурного инфраструктурного и идейного формирования историографии советского общества.

Перемены, происходившие с исторической наукой в эпоху оттепели, сегодня подробно изложены в научной литературе (Сидорова, 1997; Савельев, 2003; Пыжиков, 2001). Сам Юрий Александрович, позитивно оценивая происходившие тогда изменения, в особенности подчеркивал положительное значение создания при Академии наук научных советов по различным проблемам (истории Октябрьской революции, истории империализма, развитию рабочего класса и т. д.). «Вот эти научные советы — это было большое дело. Почему? Потому что научные советы на своих конференциях, симпозиумах могли объединить молодежь <...> поросль послевоенных историков, историков партии, историков СССР <...> для обсуждения общих проблем. Понимаете, это сразу очень высоко подняло обсуждение и научные дискуссии. <...> Люди впервые могли поглядеть друг на друга, поняли, какие тут проблемы стоят перед ними», — рассказывал историк[3]. В данном случае Мошков назвал одну из важнейших функций этих форумов в контексте формирования научной историографии советского общества: они способствовали преодолению внешней изолированности историков сталинского времени, создали благоприятную среду для обмена мнениями. В одной из работ 1960-х годов историк обозначил и основные вехи начавшегося обсуждения аграрной проблематики. «Весной 1957 года в Алма-Ате состоялась объединенная научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма; в 1958 году — межвузовская конференция «Всемирно-историческое значение опыта КПСС по коллективизации сельского хозяйства» в Ростовском-на-Дону государственном университете; в 1961 году — научная сессия по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, организованная Институтом истории АН СССР, затем Уральская сессия в Свердловском государственном университете. С 1965 года начала работу советская сессия в ежегодном симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы» (Мошков, 1967: 167). К сказанному можно добавить, что на этой волне выросло то блестящее поколение российских историков-аграрников, к которому в полной мере принадлежал и сам Мошков.

Наряду со становлением научных институций и формированием коммуникативной среды шел процесс дифференциации собственно научной проблематики истории советского общества. Начался он с обсуждения фундаментальных тем, в частности, периодизации советской истории. В 1954 году в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья И.Б. Берхина и М.П. Кима «О периодизации истории советского общества», ставшая предметом оживленной дискуссии на одном из заседаний ученого совета Института истории АН СССР и на страницах названного журнала (Берхин, 1954; К вопросу о периодизации истории..., 1955; О периодизации истории совет-

3. Интервью с Ю.А. Мошковым. 31.10. 2015.

ского общества, 1955а; О периодизации истории советского общества, 1955б). Наиболее радикальное положение работы Берхина и Кима заключалось в следующем: история советского общества имеет свою периодизацию, отличную от этапов истории партии, обозначенных в «Кратком курсе истории ВКП(б)», поскольку развитие партийной организации не могло отражать все стороны жизни страны. В качестве критерия определения этапов «гражданской истории» авторы статьи предложили использовать «завершенные этапы в развитии способа производства». История советского общества, по их мнению, делилась на две эпохи: 1) перехода от капитализма к социализму; 2) перехода от социализма к коммунизму. Эпохи, в свою очередь, делились на более дробные периоды и этапы. При определении последних авторам статьи не удалось преодолеть характерную для сталинской историографии субъектную модель описания исторического процесса. Выделяя периоды, Берхин и Ким говорили о различиях задач, стоящих на разных отрезках советской истории. Вопрос о том, кто был субъектом действия этих самых задач — революция, партия, народ, — статья оставляла без ответа. Тем не менее их позиция вызвала бурю откликов. Часть историков, принявших участие в обсуждении работы, с разной степенью резкости отрицала саму необходимость новой по отношению к «Краткому курсу» периодизации. Например, прошедший в свое время школу большевистского подполья и фронтов Гражданской войны А.П. Кучкин прямо упрекнул авторов в том, что они «отрывают историю партии от истории народа». Но были и те, кто счел статью Берхина и Кима «своевременной и нужной». Их возражения оказались связаны с деталями определения авторами отдельных граней периодизации. Среди прочих обсуждался вопрос о завершении восстановительного и начале реконструктивного периода. Сами Берхин и Ким указали в качестве этого водораздела рубеж 1926–1927 годов. Это попытался оспорить Б.П. Орлов, полагавший, что восстановление хозяйства страны в силу отставания ряда отраслей растянулось и на 1927 год. С прямо противоположным мнением выступили А.М. Панфилова и А.М. Анфимов, которые, основываясь на факте увеличения государственных капиталовложений в промышленность, предлагали считать началом индустриализации 1926 год. В.П. Данилов в качестве значимого рубежа видел 1929 год — «когда и в городе, и в деревне победили социалистические производственные отношения». Таким образом, проблема хронологического рубежа конца 1920-х годов уже тогда приобрела характер сложного узла вопросов, распутывание которого требовало от исследователей знания различных контекстов советской истории.

Обсуждение этой темы продолжилось в середине 1960-х годов в ходе дискуссии по проблемам нэпа. Начало самой дискуссии было положено публикацией статьи Э.Б. Генкиной «В.И. Ленин и переход к новой экономической политике» (Генкина, 1964). Резкостью оценок ее работа не отличалась, но автор позволила себе рассуждать о том, что ранее считалось сакральным, а это было необычно для советской академиче-

ской среды. Вслед за статьей Генкиной последовали другие публикации, освещающие различные аспекты нэпа. В дискуссии приняли участие Ю.А. Поляков, В.П. Дмитренко, Ю.С. Кукушкин, Л.Ф. Морозов, И.Я. Трифонов и другие советские ученые. В 1966–1968 годах дискуссия переместилась на страницы журнала «Вопросы истории КПСС». Среди прочих в ходе обсуждения были подняты и вопросы хронологии и периодизации нэпа. Со статьей на эту тему выступил Ю.Н. Климов: в истории новой экономической политики он насчитал четыре этапа: 1) период отступления (с марта 1921 по март 1922 года); 2) период перегруппировки сил (с марта 1922 до конца 1925 года); 3) период наступления на капитализм (с конца 1925 до начала 1933 года); 4) период завершения нэпа (с начала 1933 до конца 1936 года) (Климов, 1966). Как видим, его трактовка вновь отсылала к анализу действий некого абстрактного исторического субъекта. Но важным в данном случае представляется другое. Во-первых, автор доводил историю нэпа до второй половины 1930-х годов, а во-вторых, отрицал наличие сколь-либо значимого рубежа в политике партии в конце 1920-х годов. Такому взгляду на вещи историки были обязаны прежде всего Сталину, который еще в 1928 году во время борьбы с правым уклоном неоднократно декларировал тезис о продолжении руководством страны ленинской политики нэпа (Сталин,1949д: 15; Сталин, 1949в: 46). Впоследствии, когда политическая нужда в этом утверждении отпала, Сталин тем не менее не счел нужным его опровергать. Так, в «Кратком курсе», несмотря на то что коллективизация рассматривается в качестве дискретной вехи советской истории[4], говорится о том, что «новая экономическая политика была рассчитана на полную победу социалистических форм хозяйства» (Краткий курс, 1938: 306). В результате тезис о продолжении нэпа в 1930-е годы стал одной из догм сталинской историографии.

Но вернемся к ходу дискуссии. С возражениями по поводу предложенной Ю.Н. Климовым периодизации выступил В.И. Кузьмин. Он отмечал, что произошедшее на рубеже 1920–1930-х годов сужение рыночных связей и усиление наступления советского государства на «капиталистические элементы» свидетельствовало о наступлении следующего этапа новой экономической политики. Правда, само осуществление этого курса он, как и Климов, прослеживал до второй половины 1930-х годов (Кузьмин, 1967). С резкой критикой этого подхода тогда же выступил Ю.А. Мошков, приславший в редакцию журнала статью, в которой аргументированно доказы-

4. Как известно, «Краткий курс», приравнивая значение коллективизации к Великому Октябрю, фактически конституировал ее в качестве грани эпох в жизни советского общества. Учебник давал ей следующую характеристику: «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние» (Краткий курс, 1938: 291). Любопытно, что В.П. Данилов во время дискуссии по статье Берхина и Кима, указывая в качестве хронологического рубежа 1929 год, фактически воспроизводил логику «Краткого курса».

вал, что произошедшие на рубеже 1920–1930-х годов изменения в системе взаимоотношений города и деревни свидетельствуют о полной отмене нэпа. В редакции журнала ее, по всей видимости, сочли дерзкой выходкой молодого историка. Работу так и не напечатали, однако она была упомянута в редакционной статье по итогам дискуссии (К итогам обсуждения проблем новой экономической политики, 1968: 86). Впрочем, сама статья вряд ли имела столь уж большое значение для Юрия Александровича, к этому времени увидела свет его «Зерновая проблема», по сути поставившая в обсуждении вопроса о верхней хронологической границе нэпа жирную точку.

Итак, гомогенность, присущая сталинскому историческому мифу, не оставляла зарождавшемуся в 1950–1960-е годы научному дискурсу советской истории иного пути, кроме «отцеубийства». Попытки ученых объяснить те или иные явления и процессы недавнего прошлого неизбежно сталкивались с догматикой «Краткого курса» и других текстов, призванных конституировать мировоззрение научного сообщества. На этом пути вступали в конфликт принципы партийности и научности, патриотизма и объективности, возникал вопрос о том, как относиться к научному наследию тех людей, которых официально продолжали именовать «троцкистами и правыми оппортунистами». В силу этого демиурги новой историографии вынуждены были выступить в качестве могильщиков мифологии советской истории, сложившейся в сталинскую эпоху. Вопрос, однако, заключается в другом: имело ли поколение историков оттепели свою позитивную программу? Иными словами, было ли разрушение концептов прежней исторической парадигмы их самоцелью или средством решения научных задач? Нам представляется, что такая программа у историков, занимавшихся изучением истории советского общества, все же была. Юрий Александрович считал, что внутренней пружиной этого движения было «стремление заниматься именно наукой. Не догмы повторять, а заниматься именно наукой, исследованием, привлечением источников»[5]. С точки зрения наших знаний о политической культуре сталинского времени в этом мотиве легко увидеть намерение преодолеть характерный для развития науки в 1930–1950-е годы синкретизм политического и собственно научного. Бесспорно, эта черта в методологическом отношении сближала историков эпохи оттепели, однако предложенная ими программа исследования советской истории имела и свои концептуальные константы. Так, еще на заре «славного десятилетия» М.П. Ким и Г.Н. Голиков, критикуя историков предшествующего времени, писали о том, что «развитие советского общества изображалось как сплошное триумфальное шествие», в результате чего «оставалась невыясненной объективная обусловленность исторических поворотов» (Ким, Голиков, 1954: 50). В.П. Данилов одной из задач советской историографии считал изучение «объективного процесса формирования и развития социалисти-

5. Интервью с Ю.А. Мошковым. 31.10. 2015.

ческого способа производства» (О периодизации истории советского общества, 1955а: 82). Передовая статья журнала «Вопросы истории», ставшего в 1955–1957 годах рупором идейного обновления в исторической науке, гласила: «История партии является частью общегражданской истории. Вся деятельность, политика и тактика партии определяются объективными историческими процессами, внутренним и внешним положением страны» (XX съезд КПСС..., 1956). Историки оттепели отнюдь не были противниками советского строя. Но, согласно кредо ученого, они пытались заменить трансцендентальный пафос борьбы партии за достижение высших целей, являвшийся в сталинской историографии источником исторического развития советского общества, логикой поддающихся эмпирической проверке экономических, социальных и иных процессов. В своих работах они стремились определить и проследить закономерности генезиса советского общества. Существенную роль в осуществлении задач этой исследовательской программы суждено было сыграть «Зерновой проблеме» Ю.А. Мошкова. Попробуем рассмотреть изложенные в ней идеи и подходы, сопоставляя их как с концептами сталинской историографии, так и с предложенной историками оттепели ревизией последних.

Именно желание понять реальные процессы, происходившие в деревне в эпоху «великого перелома», привело молодого аспиранта Мошкова в архив. Там Юрий Александрович впервые познакомился с материалами Московского комитета ВКП(б) по чистке партийных рядов, отчетной документацией политотделов МТС, данными хлебофуражных балансов СССР и другими источниками. Они открыли перед историком картину репрессий, хаоса и бесхозяйственности, царивших в колхозах начала 1930-х годов. Тогда же он впервые узнал о голоде в советской деревне. Разумеется, обо всем этом по понятным причинам открыто рассказать в печати не представлялось возможным. Однако не меньшей проблемой для молодого ученого была задача найти адекватный объяснительный механизм, раскрывающий суть процессов, происходивших тогда в деревне. Каковы были первопричины коллективизации? Какие обстоятельства обуславливали государственную политику в отношении деревни? Каковы ее результаты? Перед исследователем стояла задача увязать воедино разнообразие ответов на эти вопросы. В итоге Мошков пришел к убеждению, что первопричиной кардинальных изменений в жизни села рубежа 1920–1930-х годов была зерновая проблема. В одноименной книге он дал следующее определение этому понятию: «Под зерновой проблемой подразумевается исторически обусловленное расхождение между производством зерна в СССР и быстро растущим его потреблением» (Мошков, 1966: 5). Уже только одним этим предложенный им подход существенно отличался от модели анализа, характерной для сталинской парадигмы. В «Кратком курсе» и исторических работах 1930-х–первой половины 1950-х годов основным источником изменений признавалась мессианская деятельность коммунистической

партии. Зерновая проблема у Мошкова — это своего рода фокус объективных процессов производства и потребления. Все прочие, связанные с коллективизацией явления и тенденции в жизни оказывались в числе ее производных. Таким образом, уже на первых страницах книги Мошкова мы видим торжество объектного объяснительного механизма, определившего дальнейшее прочтение автором всей темы. Существенные отличия от предшествующей историографической традиции изучения коллективизации заметны и в ряде других аспектов исследования.

Прежде всего следует отметить, что Мошков дал новую характеристику причин зерновой проблемы в целом и хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года в частности. Как известно, Сталин еще непосредственно во время кризиса назвал в качестве главной его причины «кулацкий саботаж» (Сталин, 1949). При этом сам он был прекрасно осведомлен о том, что основными держателями хлеба в деревне были середняки, но в ходе партийных дискуссий продолжал настаивать на своем (Сталин, 1949д: 12; Сталин, 1949б: 86). Противники Сталина в партийных дебатах в качестве причины хлебозаготовительного кризиса считали ошибки, допущенные советскими плановыми и заготовительными органами. Возможно, отсылку к «классовой борьбе» генсек счел наиболее простым и доступным аргументом для убеждения в своей правоте партийного большинства. Впоследствии тезис о «кулацком саботаже» был принят на вооружение и в исторических работах. Характеристика истоков хлебозаготовительного кризиса, приведенная в книге Мошкова, в равной мере отличалась от оценок как Сталина, так и его оппонентов. Автор выделил две группы факторов, обусловивших обострение зерновой проблемы в СССР к концу 1920-х годов. К первой им были отнесены объективные тенденции экономического и демографического развития страны. Историк отмечал ряд позитивных изменений, происходивших в сельском хозяйстве в 1920-е годы: рост посевных площадей, увеличение валовых сборов зерна, улучшение урожайности. Однако эти результаты наталкивались на тенденции иного рода: с 1913 по 1928 год население страны выросло с 114,6 до 123 млн человек, т. е. увеличилось количество потребителей зерна. К тому же передача в результате революции помещичьих земель крестьянам привела к измельчанию сельскохозяйственного производства. Численность крестьянских дворов с 1916 по 1927 год увеличилась на 19% (с 21 до 25 млн). Этому процессу соответствовал рост поголовья скота, что автоматически предполагало увеличение затрат зерна на его содержание. По данным Мошкова, доля затрат на прокорм домашнего скота и птицы с 1925/26 по 1927/28 год увеличилась с 26,2 до 31,9% от валового сбора. Еще более быстрыми темпами в условиях начавшейся индустриализации росло городское население. Ежегодно численность городских жителей увеличивалась более чем на миллион человек. «Из производителей сельскохозяйственных продуктов эти люди превращались в их по-

требителей». В итоге «все перечисленные обстоятельства обуславливали отставание зернового хозяйства от роста потребностей населения и государственных задач», — заключал историк (Мошков, 1966: 21-29). Ко второй группе Мошков отнес факторы субъективного порядка (ошибки советских торгово-заготовительных организаций, «сопротивление кулачества»). Конечно, нельзя категорично заявлять, что сталинская историография полностью игнорировала влияние указанных Мошковым тенденций. Так, Сталин в конце 1920-х годов заявлял об исчерпании возможностей развития мелкого крестьянского хозяйства (Сталин, 1949а). Однако у Мошкова, в отличие от сталинской парадигмы, эти факторы в иерархии причин, обусловивших зерновую проблему, словно бы поменялись местами.

Существенные отличия заметны и в характеристике Мошковым государственной политики. В «Кратком курсе» и других официальных текстах сталинского времени последняя — это сравнительно константная величина. Да, политический курс правящей партии и там сталкивается с серьезными препятствиями, иногда партия вынуждена маневрировать, отдельные ее представители могут допускать тактические ошибки. Однако в сталинских нарративах партия всегда преодолевает препятствия, промахи и недочеты отдельных членов исправляются усилиями коллективного разума, а маневры в любом случае служат достижению конечной цели — построению социализма. Принципы государственной политики в этой трактовке статичны, они не зависят от условий социальной среды. Мошков в своей книге пользовался явно более прагматичными представлениями о политике государства. Экономические и демографические процессы в его концепции, формируя различного рода факторы, создают своего рода рамку социальных вызовов, в которой вынуждено действовать государство. Решая текущие проблемы, правительство может тасовать принципы политики как карточную колоду, ибо сама политика в данной трактовке — это набор определенных мероприятий. Так, новая экономическая политика в деревне, согласно Мошкову, была основана на двух моментах: сельхозналоге и разрешении свободы торговли. Сельхозналог представлял собой фиксированный объем продукции (с 1924/25 года он взымался полностью в денежной форме), отдаваемой государству. С оставшейся частью произведенного продукта крестьянин мог поступать по своему усмотрению. Отмеченные выше факторы привели к хлебозаготовительному кризису 1927/28 года, выход из которого партия нашла в усилении мер административного воздействия на деревню. Летом 1929 года правительствами РСФСР и Украины был принят ряд постановлений, которые предусматривали продажу государству «хлебных излишков» по твердым ценам. Эти меры означали отказ от принципов сельхозналога и свободы торговли. Последующее развитие полностью подтверждало этот тезис историка. Так, неизменно росла доля государственных заготовок во всей товарной продукции зерновых: в 1928/29 году она составляла 73,4%, в 1929/30-м — 81,7%, в 1930/31-м — 92,8%, в 1931/32-м — 97,8%. Оборот же частной

торговли сократился с 4457 млн руб. в 1927/28 году до 1240 млн руб. в 1929/30-м (Мошков, 1966: 124-125). Хотя сам автор в книге ограничился утверждением о том, что изменения принципов хлебозаготовительной политики в конце 1920-х годов «знаменовали наступление нового завершающего этапа нэпа», любой здравомыслящий читатель из сказанного мог понять, что с этого времени нэп как набор организационно-хозяйственных мероприятий перестал существовать. Впоследствии историк вернулся к этой теме и уже более однозначно говорил о завершении нэпа (Мошков, 1971). В «Зерновой проблеме» Мошков также констатировал, что описанные выше изменения так или иначе подталкивали государство к широким социальным преобразованиям в деревне, так как опыт времен военно-коммунистического эксперимента однозначно показывал, что «сдача хлеба государству по невыгодным для крестьян ценам неминуемо вела к сокращению производства хлеба до потребительского минимума» (Мошков, 1966: 65). Еще одним важным сдвигом, фиксируемым в книге, стало изменение в системе планирования хлебозаготовок. Их монополизация и устранение рынка в качестве связующего звена привели к тому, что теперь планы сборов зерновых составлялись исходя из потребностей в зерне государства. Таким образом, Мошков стал одним из первых отечественных историков, которому удалось в своих работах показать реальную эволюцию советской аграрной политики рубежа 1920–1930-х годов.

Но, пожалуй, самым кардинальным образом исследование Мошкова пересматривало итоги коллективизации. Сталин, как известно, противопоставлял «счастливую и зажиточную» жизнь колхозной деревни мраку и нищете, царившим на селе до осуществления «революции сверху», поэтому в советской исторической литературе 1930–1950-х годов ничего не говорилось о последовавшем за ней кризисе сельскохозяйственного производства. Сам генсек в своем отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) лишь вскользь упомянул об имевшем место снижении валового сбора зерновых в начале 1930-х годов, объяснив это временными трудностями реорганизационного периода (в приводимой статистической таблице данные за 1933 год им, очевидно, были завышены) (Сталин, 1953б: 320-321)[6]. В «Кратком курсе» и вовсе сравнивались показатели производства зерновых за 1917 и 1937 годы (первые при этом были произвольно занижены) (Краткий курс, 1938: 321)[7]. Одним словом, вождь хорошо умел работать со статистикой. Практика, связанная с ретушированием реальной картины дел в этом вопросе, получила продолжение в исторической литературе. Так, М.А. Краев, например, сравнивал средние показатели валового сбора зерновых за 1909–1914, 1928–1932 и 1933–1937 годы и, разумеется, на выходе получил тенден-

6. Вероятно, в данном случае с амбарным урожаем за предыдущие годы сопоставлялся так называемый биологический урожай зерновых.

7. Не вдаваясь в детали современных дискуссий на эту тему, можно отметить то, что цифры за 1913 год расходились даже с озвученными ранее Сталиным на XVII съезде ВКП(б).

цию их неуклонного роста (Краев, 1954: 638). Мошков в своей книге не только привел точные цифры хлебофуражных балансов СССР, показывающие снижение валовых сборов зерна в начале 1930-х годов, но и писал, что в связи с увеличением в это же время посевных площадей реальная урожайность зерновых культур значительно снизилась. Особенно этот процесс был заметен в южных районах страны. Согласно приводимым историком данным, урожай в нечерноземной полосе составляли 7,7–9,1 ц/га против 4,3–7,0 ц/га в районах, считавшихся житницами страны (Мошков, 1966: 226-228). В книге было дано убедительное объяснение этому, казалось бы, парадоксу. Переход к практике обязательных хлебозаготовок и их количественный рост привел к тому, что колхозы были вынуждены сдавать большую часть произведенной продукции государству. Государственные цены на сдаваемое зерно оказались ниже себестоимости. На любые попытки уклониться от хлебозаготовок власть отвечала репрессиями. Автор констатировал очевидное нарушение принципа материальной заинтересованности колхозников. В результате сложившаяся система отношений между государством и колхозами наиболее сильный удар нанесла по благосостоянию селян южных районов страны, где люди уже привыкли жить за счет продажи продукции сельского хозяйства (Там же: 214). К незаинтересованности колхозников в результатах своего труда добавлялись произошедшее упрощение агротехники и резкое сокращение поголовья скота, что привело к нехватке тягловой силы и органических удобрений. Из сказанного ясно, что осуществление коллективизации имело катастрофические последствия для советского сельского хозяйства. Конечно же, и сам Сталин в своих речах, и официальные документы партии признавали наличие некоторых трудностей в развитии аграрной сферы. Борьба за хозяйственно-организационное укрепление колхозов в «Кратком курсе» указывалась в числе наиболее важных задач партии на начало 1930-х годов. Однако в изложении Сталина это были временные проблемы, обусловленные «болезнью роста» колхозов и вредительской работой недобитого кулачества, тогда как у Мошкова описанные выше черты колхозного строя обретали системный характер.

Еще одна идея, явственно звучавшая в работе ученого: индустриализация осуществлена за счет ресурсов деревни. Исходя из логики своего подхода, Мошков рассмотрел не только процессы производства сельскохозяйственной продукции в СССР, но и тенденции, связанные с ее потреблением. Для того чтобы показать суть происходивших на рубеже 1920–1930-х годов в этой сфере изменений, исследователю понадобилось ввести в свой анализ такие категории, как внедеревенское и внутридеревенское потребление. Понятно, что доля первого в Советском Союзе в исследуемый период возрастала. Происходил рост городов, население которых увеличилось с 1928 по 1931 год на 12,4 млн человек. Ввиду практически полной монополизации хлебной торговли их обеспечение легло на плечи советского государства и потребовало введения карточной системы. Данные хлебофуражных балансов также показывали резкое увеличение на рубеже 1920–1930-х

годов хлебного экспорта (с 260 тыс. т в 1929 г. до 4841 тыс. т в 1930 г.). Учитывая общее снижение валового сбора зерна в начале 1930-х годов, нетрудно было догадаться, за счет чего государство смогло удовлетворить возникшие потребности. Согласно приводимым в книге Мошкова данным, личное потребление неземледельческого населения страны с 1928 по 1932 год выросло с 53 697 тыс. ц до 92 539 тыс. ц, а земледельческого населения — сократилось с 312 220 тыс. ц до 260 000 тыс. ц (Там же: 117-137, 230). Более того, исследователь использовал статистические данные об изменении норм душевого потребления продуктов сельского хозяйства; последние показывали не только общее для города и деревни снижение потребления продуктов животноводства, но и сокращение на селе потребления продуктов основных земледельческих культур (хлеба и картофеля). Эти сведения, разумеется, были очень далеки от бравых реляций Сталина об исчезновении «обнищания и пауперизма в деревне» (Сталин, 1953а: 196). Сам Юрий Александрович, охарактеризовав ситуацию как «величайший вклад колхозного крестьянства в дело создания основ индустриализации», в итоге пришел к заключению, что зерновая проблема в исследуемый период в СССР так и не была решена.

Мошков, безусловно, принадлежал к числу ученых, настаивавших на необходимости нового научного прочтения истории советского общества. Он не только печатным словом, но и делом помогал В.П. Данилову бороться за возможность объективного изучения «великого перелома». В частности, Юрий Александрович выступал в защиту подготовленной историками Института истории коллективной монографии «История коллективизации сельского хозяйства в СССР» на печально знаменитом обсуждении в Отделе науки ЦК КПСС[8]. Все это, однако, не снимает вопрос о соответствии идей ученого работам других «ревизионистов» советской аграрной истории. Определенное представление об основных направлениях переосмысления темы «социалистической реконструкции» советского сельского хозяйства в советской науке на начало 1960-х годов дают историографические работы М.Л. Богденко и И.Е. Зеленина (Богденко, Зеленин, 1961, 1962). В них под видом описания научных дискуссий авторы поднимали ряд острых проблем истории коллективизации. Характеризуя тенденции, предшествовавшие «революции сверху», они подчеркивали отсутствие или ограниченность ее объективных предпосылок. При изложении самого процесса Богденко и Зеленин акцентировали внимание на его наиболее драматических аспектах, «перегибах», раскулачивании, классовой борьбе. Так, «перегибам» в соответствии с канонами иносказания в их брошюре была посвящена объемная сноска, в которой авторы фактически настаивали на том, что курс на «форсирование темпов» и «извращения» был сознательно принят партией. Тема раскулачивания должна была имплицировать насильственные методы осуществления «великого перелома». Даже, казалось бы,

8. Интервью с Ю.А. Мошковым. 31.10. 2015.

соответствующий сталинской традиции сюжет об усилении классовой борьбы давал возможность историкам поговорить о такой табуированной в то время теме, как крестьянское сопротивление. Рассматривая итоги коллективизации, Богденко и Зеленин настаивали на недостаточной изученности экономических показателей колхозного строя.

Теперь посмотрим, насколько идеи, высказанные Мошковым в его «Зерновой проблеме», соответствовали этой номенклатуре проблем. Причины коллективизации в его системе взглядов предопределила диалектика объективных процессов производства и потребления. О раскулачивании и «перегибах» в книге содержится лишь несколько отдельных упоминаний. Автор явно не акцентировал внимание своих читателей на этих сюжетах. Классовая борьба была отнесена историком к числу факторов второго порядка. Любопытно, что Богденко и Зеленин даже сделали замечание одной из статей Мошкова за недооценку «враждебной деятельности кулачества» (Богденко, Зеленин, 1961: 41). Пожалуй, единственное место, где векторы усилий названных историков полностью совпадали, было освещение обусловленного коллективизацией спада сельскохозяйственного производства. Все это, однако, не значит, что Мошков избрал более конформистскую стратегию, сказанное выше убеждает нас в обратном. Просто использованная историком аналитическая модель в большей степени была ориентирована на определение причинно-следственных связей, нежели высвечивание наиболее драматических точек процесса коллективизации.

Наконец, еще одно напрашивающееся сравнение. Как правило, вершиной советской аграрной историографии считают принадлежащие перу В.П. Данилова две монографии по истории доколхозной деревни (Данилов, 1977, 1979). Думаю, с этой оценкой вполне можно согласиться. Если сравнить эти книги с «Зерновой проблемой» Мошкова, можно заметить, что характер изложения материала в них более объектный, чем в работе последнего. У Мошкова изложение ряда сюжетов превращается в традиционное для советской историографии описание борьбы партии за выполнение тех или иных задач: подготовки посевной кампании, расширения посевных площадей, усиления материальных стимулов работы в колхозе и т. д. Сочинения Данилова, рассматривающие эволюцию социальных и экономических процессов в деревне накануне коллективизации, с этой точки зрения смотрятся выигрышнее. Тем не менее, даже оставив за рамками сравнения тот факт, что обе его работы написаны на десятилетие позже (а значит, отражали дальнейшее развитие знаний по проблеме), следует отметить две существенных их особенности. Во-первых, обе книги, равным образом как и первая монография В.П. Данилова, давали отрицательный ответ на главный вопрос исследования об объективных предпосылках коллективизации. А потому любопытствующий читатель всегда может спросить: с какой целью автор писал эти книги? Не ставя под сомнение научные намерения Данилова, отметим, однако, что ему самому пришлось серьезно ретушировать собственные выводы в заклю-

чениях своих работ. Во-вторых, блистательно проделанный Даниловым анализ ряда внутренних аспектов деревенской жизни обрывался 1929 годом. Открытым в таком случае оставался вопрос о применимости использованных автором методик анализа к истории колхозной деревни. Современному читателю понятно, что многое, о чем хотел написать историк на страницах своих работ, в то время по цензурным соображениям сделать было нельзя. Но ведь Мошков в «Зерновой проблеме» с равной мерой пристрастности излагал проблемы истории села как до, так и после «великого перелома». В обоих случаях в изложении у Мошкова действуют одни и те же исторические законы, определяющие естественный ход вещей. А это значит, что избранная историком аналитическая модель в условиях того времени оказалась более универсальной. Она позволяла не только исследовать прошлое, но и рассказать о нем советским читателям. В целом же «Зерновая проблема» стала одним из наиболее ярких воплощений исследовательской программы изучения коллективизации второй половины 1950-х годов. «Революцию сверху» она рассматривала как закономерный результат развития объективных процессов производства и потребления. При этом ее автор сумел не погрешить против истины, показав в своей работе не столько достижения «социалистической реконструкции», сколько реальные проблемы колхозной жизни. Все это, разумеется, сказывалось на восприятии фигуры Мошкова в кругу советских историков-аграрников. Фактически вплоть до историографической революции рубежа 1980–1990-х годов его имя оставалось вторым по значимости после Данилова, в числе историков советской деревни. В связи с этим закономерен вопрос: почему в дальнейшем это положение изменилось?

В какой-то степени свою роль сыграла не столь высокая по сравнению с другими известными историками-аграрниками публикационная активность Мошкова. Несмотря на то что в 1960–1980-е годы Юрий Александрович принимал участие в коллективных научных трудах, выступал с докладами на конференциях и статьями в журналах (Вылцан, Данилов, Кабаков, Мошков, 1982; 1971; 1979; 1963; 1965; 1984), он так и остался автором одной монографии, пусть даже для своего времени выдающейся в общем ряду научных трудов советских историков-аграрников. Мошков погрузился в преподавательскую работу и, в отличие от многих своих коллег, спокойно относился к получению научных званий и степеней. В 1990-е годы Мошков всецело поддержал происходившую тогда историографическую революцию в области изучения аграрной истории советского общества. Суть происходящих тогда процессов сам историк характеризовал эпитетом «освобождение»[9]. Он не только приветствовал свободу слова, открытие архивов, появившуюся возможность сотрудничества с коллегами из-за рубежа, но и принял деятельное участие в осуществлении основных проектов исследовательской программы изучения советской деревни начала 1990-х годов. Остановимся чуть

9. Интервью с Ю.А. Мошковым. 31.10. 2015.

подробнее на двух аспектах, повлиявших на восприятие фигуры Мошкова в контексте новой парадигмы коллективизации.

В 1990-е годы с повестки дня исторической науки был снят поиск объективных предпосылок «великого перелома». Вопрос о причинах коллективизации теперь звучал совсем иначе: руководствовался ли Сталин, осуществляя «революцию сверху», необходимостью решения проблем экономического развития страны или им двигали мотивы борьбы за власть? Таким образом, в новом варианте постановки этой проблемы речь шла о выборе либо построении иерархии исключительно субъектных факторов. В этой связи историков вновь заинтересовали причины хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года. В частности, эта проблема была поднята Даниловым во время обсуждения монографии Ш. Мерля «Аграрный рынок и новая экономическая политика» на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» в 1994 году. Немецкий историк объяснял кризис ошибками советских заготовительных и налоговых организаций (низкие закупочные цены на хлеб, отсутствие промышленных товаров в торговой сети, освобождение от уплаты сельхозналога значительной части бедняцких хозяйств). Однако Данилова тогда не устроила такая трактовка, поскольку, по его словам, «чрезвычайщина, создавшая кризис, была бы пущена и без Октябрьского манифеста. В чем действительно прав Ш. Мерль, так это в утверждении, что исключительно вследствие принудительных мер трудности заготовительной кампании превратились в кризис заготовок зерна» (Современное крестьяноведение..., 2015: 367). В этом утверждении маститого историка-аграрника причины и следствия хлебозаготовительного кризиса словно бы менялись местами. Получалось, что не попытка партийной верхушки решить доступными средствами возникший кризис хлебозаготовок привела к эскалации государственного насилия в деревне, а сам кризис был лишь предлогом для активации сталинским руководством репрессивной машины. Развернутая система аргументов в пользу такого взгляда была приведена Даниловым во «Введении» к первому тому «Трагедии советской деревни», где кризис рассматривался в качестве части манипуляций, осуществленных Сталиным и его сторонниками в ходе борьбы за власть (Данилов, 1999). Мошков участвовал в работе того самого заседания теоретического семинара и с мнением Данилова согласился (Современное крестьяноведение, 2015: 387). Однако вне зависимости от оценок историком причин кризиса на тот момент времени, следует понимать, что такая трактовка полностью дезавуировала исходный пункт его собственных рассуждений, ставших основой концепции «Зерновой проблемы». В целом же вектор усилий исследовательской программы начала 1990-х годов был направлен на вытеснение так в полной мере и не использованной в советской науке объектной модели объяснения «великого перелома». В силу этого попытка осмыслить события коллективизации посредством анализа взаимосвязи про-

цессов производства и потребления, предпринятая в книге Мошкова, в новой системе концептуальных взглядов явно становилась неактуальной.

Еще одним важным с точки зрения программы начала 1990-х годов проектом, в котором принял участие Мошков, стала документальная серия «Трагедия советской деревни». Непосредственно его перу принадлежит вступительная статья к четвертому тому этого издания, посвященного периоду 1934–1936 годов (Мошков, 2002б). Этот очерк в полной мере соответствует основному направлению переосмысления истории советской деревни в 1990-е годы. В нем автор фиксирует внимание на репрессиях, голоде, в меньшей степени — на крестьянском сопротивлении. Впрочем, иного и не следовало ждать от издания, ставшего «иконой» новой исследовательской программы изучения коллективизации. Тем не менее главной темой этой работы Мошкова стал анализ системных факторов неэффективности колхозного производства. Она отчетливо прозвучала и в других публикациях историка (Мошков, 1997, 2002а, 2006). В них автор развивал положения, высказанные им еще в 1960-х годах. Система директивного планирования, не учитывающая местных особенностей, низкий уровень агротехники, практика прорывных кампаний, незаинтересованность большей части колхозников в результатах своего труда, тяжелые условия жизни в деревне стали причинами низкой производительности советских коллективных хозяйств. Такая ситуация, по его мнению, сохранялась и в середине и в конце 1930-х годов. Исходя из этого, Мошков делал вывод о стагнации советского сельского хозяйства. Все эти выкладки, разумеется, вполне соответствовали теоретическим установкам исследовательской программы 1990-х годов. Однако они явно отличались меньшим драматизмом, нежели темы голода и репрессий. Выбор Мошковым сюжетов, связанных с изучением колхозной экономики, в качестве основного направления своей исследовательской деятельности в 1990–2000-е годы, как нам представляется, на тот момент также несколько сужал пространство для восприятия его идей в научном сообществе. Вместе с тем эти наблюдения имели важное значение для складывания новой парадигмы коллективизации. Если Данилов в 1990 году создал скелет новой исторической картины жизни деревни эпохи «великого перелома», то исследования, подобные работам Мошкова, формировали ее плоть. Анализ экономических процессов заполнял пустоты, возникающие в результате концентрации внимания исследователей на описании репрессивных акций режима. Мы считаем, что вклад историка в формирование современной парадигмы коллективизации до сих пор не оценен в полной мере.

Сегодня в некоторых историографических работах развитие аграрных исследований во второй половине 1950-х–1980-е годы трактуется практически как исключительно борьба ученых с догматизмом «Краткого курса» и цензурными препонами. Все это, разумеется, имело место, но следует также понимать, что перед советскими историками-аграрниками стояли и собственно научные

задачи. Сформировавшаяся в середине 1950-х годов научная программа ориентировала исследователей на изучение генезиса советского общества. В силу ряда причин ее концептуальные посылки так и не были в полной мере реализованы в советской исторической науке. Тем не менее в изучении истории советской деревни в этот период были и творческие прорывы. Вне всякого сомнения, к их числу следует отнести «Зерновую проблему» Ю.А. Мошкова. Эта книга стала одним из наиболее объектных исследований в советской аграрной историографии и, соответственно, одним из наиболее последовательных воплощений установок программы середины 1950-х годов. Как кажется, еще один подвиг историк незаметно для нас совершил в 1990-е годы, когда вновь встал вопрос о переосмыслении «революции сверху». Ученый, не колеблясь, пожертвовал своими прежними теоретическими наработками ради торжества исторической истины. Недооценено сегодня и влияние идей Мошкова на развитие современных исследований по истории советской деревни: во многом именно его работы положили начало обсуждению в отечественной аграрной историографии таких сюжетов, как эволюция советской заготовительной политики и государственного регулирования рынка, фискальное обложение и изменение хозяйственного уклада крестьянского двора, взаимозависимость процессов развития города и деревни. Даже в сюжете о голоде, ставшем своего рода визитной карточкой современной историографии коллективизации, можно увидеть развитие поставленного Ю.А. Мошковым вопроса о соотношении внедеревенского и внутридеревенского потребления. Однако эта тема пока еще ждет своего исследователя.

Библиография

Берхин И.Б. (1954). О периодизации истории советского общества // Вопросы истории. № 10. С. 72–78.

Богденко М.Л., Зеленин И.Е. (1962). История коллективизации сельского хозяйства в современной историко-экономической литературе // История СССР. № 2. С. 133–151.

Богденко М.Л., Зеленин И.Е. (1961). Основные проблемы коллективизации сельского хозяйства в современной исторической литературе. М.

Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. (1982). Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути формы, достижения. М.

Генкина Э.Б. (1964). В.И. Ленин и переход к новой экономической политике // Вопросы истории. № 5.

Данилов В.П. (1999). Введение (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти томах. Т. 1. М.

Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.

Данилов В.П. (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс (1938). М.

К вопросу о периодизации истории советского общества (1955) // Вопросы истории. № 3.С. 71–79.

К итогам обсуждения проблем новой экономической политики (1968) // Вопросы истории КПСС. № 12.

Ким М., Голиков Г. (1954). Некоторый вопросы разработки истории советского общества // Коммунист. № 5.

Климов Ю.Н. (1966). К вопросу о периодизации новой экономической политики // Вопросы истории КПСС. № 11.

Кондрашин В.В. (2014). Историки-аграрники России XX–начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество. Прага.

Краев М.А. (1954). Победа колхозного строя в СССР. М.

Кузьмин В.И. (1967). Новая экономическая политика и смычка социалистической промышленности с мелкокрестьянским хозяйством // Вопросы истории КПСС. № 2. С. 46–57.

Мошков Ю.А. (1984). Демографические изменения в деревне СССР в годы первых пятилеток // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Таллин.

Мошков Ю.А. (1963). Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии состоявшейся 18–21 апреля 1961 г. в Москве. М.

Мошков Ю.А. (1966). Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М.

Мошков Ю.А. (1965). Кибернетика и методы исторического исследования // История СССР. № 6. С. 214–220.

Мошков Ю.А. (1997). Коллективизация и сельскохозяйственное производство в СССР в 1930-е годы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997. № 3. С. 46–75.

Мошков Ю.А. (1967). Основные вопросы историографии сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Очерки по историографии советского общества. М.

Мошков Ю.А. (2002а). Производство зерна, хлебозаготовки и урожайная статистика СССР в 1930-е годы // Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 1. М. С. 591–603.

Мошков Ю.А. (1971). Решающий этап осуществления ленинского кооперативного плана и вопрос о заключительной стадии нэпа // Проблемы аграрной истории советского общества. М. С. 150–154.

Мошков Ю.А. (2002б). Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х годов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти томах. Т. 4. М. С. 7-38.

Мошков Ю.А. (1979). Статистика сельскохозяйственного производства СССР // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М. С. 196–227.

Мошков Ю.А. (2006). Экономические аспекты становления колхозной системы: информационный потенциал годовых отчетов колхозов 1930-х годов // Экономическое обозрение. Вып. 12. М. С. 113–123.

О периодизации истории советского общества (1955) // Вопросы истории. № 4. С. 81–85.

О периодизации истории советского общества (1955) // Вопросы истории. № 9. С. 56–62.

Пыжиков А.В. (2001). Общественные науки в годы «оттепели» // Преподавание истории и обществознания в школе. № 5. С. 15–24.

Савельев А.В. (2003). Номенклатурная борьба вокруг журнала «Вопросы истории» в 1954–1957 гг. // Отечественная история. № 5. С. 148–162.

Сидорова Л.А. (1997). Оттепель в исторической науке (советская историография первого послевоенного десятилетия). М.

Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М.

Сталин И.В. (1953а). Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М.

Сталин И.В. (1949а). К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. М. С. 141–172.

Сталин И.В. (1949б). На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.

Сталин И.В. (1949в). О работе апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М.

Сталин И.В. (1949г). О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства (Из выступлений в различных регионах Сибири в январе 1928 г.) // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М. С. 2–4.

Сталин И.В. (1953б). Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М. С. 320–321.

Сталин И.В. (1949д). Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии. Ко всем организациям ВКП(б) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.

XX съезд КПСС и задачи истории партии (1956) // Вопросы истории. № 3.

Yury Moshkov in the historiography of collectivization

Nickolay Kedrov, PhD (History), Research Fellow, Vologda State University; 15 Lenina St., Vologda, 160000, Russia e-mail: nk149@yandex.ru

The project was supported by the Russian Foundation for Humanities. The project No.15-31-01250 “Evolution of the Russian Historiography of the Peasant Collectivization”.

Article is devoted to the analysis of works of known Russian agrarian historian Ju. A. Moshkov. The author considers its works in a context of evolution of a Russian historiography of collectivization. The author notices that Moshkov has appeared for the first time on a proscenium of a historical science during epoch of «thaw». It was the major period in formation of a problematics of history of the Soviet society. Then, Soviet historians offered the research program of studying of agrarian transformations to the USSR as objective process of formation of a socialist way of production. Moshkov’s book «The Grain problem in years of continuous collectivization of agriculture in USSR» has played the most essential role in realization of science tasks of this program. The author analyzes the ideas of Moshkov’s book in a comparative context. He compares them both with concepts a Stalin’s historiography, as with the audit of the last offered by agrarian historians of an epoch of «thaw». In particular, it is underlined, that Moshkov’s work promoted revision in a Russian science: the reasons grain crisis in 1927/28 year, a question on the top chronological border of the New Economic Policy, estimations of results of collectivization. Thanks to it, Moshkov became one of the central figures in the Soviet agrarian historiography. Also, the author considers tracks of the following perception of the Moshkov’s works in the historiography. Moshkov participated in historiographic revolution of 1990th years. However, the results of this scientific revolution retouched the previous ideas of the scientist. Owing to it, influence of its works on development of modern researches of collectivization to the full is not estimated now yet.

Keywords: Soviet historical science, agrarian historiography, Ju. A. Moshkov, collectivization, kolkhoz system

Reference

Berhin I. B. (1954) O periodizacii istorii sovetskogo obshchestva [On the periodization of history of the Soviet society]. *Voprosy istorii,* no. 10, pp. 72–78.

Bogdenko M. L., Zelenin I. E. (1962) Istoriya kollektivizacii sel’skogo hozyajstva v sovremennoj istoriko-ehkonomicheskoj literature [History of collectivisation of agriculture in the contemporary historic-economic literature]. *Istoriya SSSR,* no 2, pp. 133–151.

Bogdenko M. L., Zelenin I. E. (1961) *Osnovnye problemy kollektivizacii sel’skogo hozyajstva v sovremennoj istoricheskoj literature* [Basic problems of collectivisation of agriculture in the contemporary historic literature], Moscow.

Vylcan M. A., Danilov V. P., Kabanov V. V., Moshkov YU. A. (1982) *Kollektivizaciya sel'skogo hozyajstva v SSSR: puti formy, dostizheniya.* [Collectivisation of agriculture in the USSR: Ways, forms, achievements], Moscow.

Genkina EH. B. (1964) V. I. Lenin i perekhod k novoj ehkonomicheskoj politike [V.I.Lenin and transition to new economic policy] *Voprosy istorii*, no 5.

Danilov V.P. (1999) Vvedenie (istoki i nachalo derevenskoj tragedii) [Introduction (roots and beginning of rural tragedy)]. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tomah,* vol .1. Moscow.

Danilov V.P. (1977) *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, hozyajstvo.* [Soviet village before collective farms: Population, land tenure, economy], Moscow.

Danilov V.P. (1979) *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: social'naya struktura i social'nye otnosheniya.* [Soviet village before collective farms: Social structure and social relations], Moscow.

Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs (1938) [History of All-Union Communist party (Bolsheviks). The Short course], Moscow.

K voprosu o periodizacii istorii sovetskogo obshchestva (1955) [On the peridization on a periodization of history of the Soviet society]. *Voprosy istorii*, no 3, pp. 71–79.

K itogam obsuzhdeniya problem novoj ehkonomicheskoj politiki (1968) [The results of the discussion on problems of new economic policy]. *Voprosy istorii KPSS*, no 12.

Kim M., Golikov G. (1954) Nekotoryj voprosy razrabotki istorii sovetskogo obshchestva [Some questions of the history of the Soviet society] *Kommunist,* no 5.

Klimov Yu. N. (1966) K voprosu o periodizacii novoj ehkonomicheskoj politiki [On the periodization of new economic policy]. *Voprosy istorii KPSS,* no 11.

Kondrashin V. V. (2014) *Istoriki-agrarniki Rossii XX–nachala XXI vv.: tvorcheskij put' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo.* [Historians of agriculture in Russia XX–in early XXI centuries: Career and international cooperation], Praga.

Kraev M. A. (1954) *Pobeda kolhoznogo stroya v SSSR.* [Victory of the collective-farm system in the USSR], Moscow.

Kuz'min V. I. (1967) Novaya ehkonomicheskaya politika i smychka socialisticheskoj promyshlennosti s melkokrest'yanskim hozyajstvom [New economic policy and the connection of socialist industry with small peasant economy]. *Voprosy istorii KPSS,* no 2, pp. 46–57.

Moshkov YU. A. (1984) Demograficheskie izmeneniya v derevne SSSR v gody pervyh pyatiletok [Demographic changes in USSR village in the first five-years periods]. *Social'no-demograficheskie aspekty razvitiya proizvoditel'nyh sil derevni. HKH sessiya Vsesoyuznogo simpoziuma po izucheniyu problem agrarnoj istorii,* Tallin.

Moshkov Yu. A. (1963) Zernovaya problema v gody kollektivizacii sel'skogo hozyajstva [The grain problem under the collectivisation of agriculture]. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva i kolhoznogo stroitel'stva v SSSR. Materialy nauchnoj sessii sostoyavshejsya 18–21 aprelya 1961 g. v Moskve,* Moscow.

Moshkov Yu. A. (1966) *Zernovaya problema v gody sploshnoj kollektivizacii sel'skogo hozyajstva SSSR. (1929–1932 gg.).* [The grain problem under the overall collectivisation of agriculture in the USSR], Moscow.

Moshkov Yu. A. (1965) Kibernetika i metody istoricheskogo issledovaniya [Cybernetics and methods of historical research]. *Istoriya SSSR,* no 6, pp. 214–220.

Moshkov Yu. A. (1997) Kollektivizaciya i sel'skohozyajstvennoe proizvodstvo v SSSR v 1930-e gody [Collectivisation and agricultural production in the USSR in the 1930th years]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.8. Istoriya,* no 3, pp. 46–75.

Moshkov Yu. A. (1967) Osnovnye voprosy istoriografii sploshnoj kollektivizacii sel'skogo hozyajstva SSSR [Basic questions of the historioraphy of the overall collectivisation of agriculture in the USSR]. *Ocherki po istoriografii sovetskogo obshchestva,* Moscow.

Moshkov YU. A. (2002a) Proizvodstvo zerna, hlebozagotovki i urozhajnaya statistika SSSR v 1930-e gody [Grain production, grain collection and yields statistics in the USSR in 1930s]. *Rossiya v XX veke: reformy i revolyucii.* vol. 1. Moscow, pp. 591–603.

Moshkov Yu. A. (1971). Reshayushchij ehtap osushchestvleniya leninskogo kooperativnogo plana i vopros o zaklyuchitel'noj stadii nehpa [Final stage of the Lenin co-operative plan and the final stage of the New Economic Policy]. *Problemy agrarnoj istorii sovetskogo obshchestva,* Moscow, pp. 150–154.

Moshkov Yu. A. (2002b) Sovetskoe sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo v seredine 1930-h godov [Soviet agriculture and peasantry in the mid 1930s]. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tomah,* vol. 4, Moscow, pp. 7–38.

Moshkov Yu. A. (1979) Statistika sel'skohozyajstvennogo proizvodstva SSSR [Statistics of agricultural production in the USSR]. *Massovye istochniki po social'no-ehkonomicheskoj istorii sovetskogo obshchestva,* Moscow, pp. 196–227.

Moshkov YU. A. (2006) Ehkonomicheskie aspekty stanovleniya kolhoznoj sistemy: informacionnyj potencial godovyh otchetov kolhozov 1930-h godov [Economic aspects of collective-farm system: information potential of annual reports of collective farms in the 1930s]. *Ehkonomicheskoe obozrenie,* vol. 12, Moscow, pp. 113–123.

O periodizacii istorii sovetskogo obshchestva (1955). [On the periodization of the history of Soviet society]. *Voprosy istorii*, no 4, pp. 81–85.

O periodizacii istorii sovetskogo obshchestva (1955) [On the periodization of the history of Soviet society]. *Voprosy istorii*, no, 9, pp. 56–62.

Pyzhikov A. V. (2001) Obshchestvennye nauki v gody «ottepeli» [Social studies of the «thaw»]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole,* no 5, pp. 15–24.

Savel'ev A. V. (2003). Nomenklaturnaya bor'ba vokrug zhurnala «Voprosy istorii» v 1954–1957 gg. [The nomenclature struggle about the «Questions of history» in 1954–1957]. *Otechestvennaya istoriya,* no 5, pp. 148–162.

Sidorova L. A. (1997) *Ottepel' v istoricheskoj nauke (sovetskaya istoriografiya pervogo poslevoennogo desyatiletiya).* [«Thaw» in the historical science (the Soviet historiography of the first post-war decade)], Moscow.

Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke (2015) [Modern peasant studies and agrarian history of Russia in the XX century], Moscow.

Stalin I. V. (1953a). Itogi pervoj pyatiletki. Doklad 7 yanvarya 1933 g. [Results of the first five-years period. The report on January, 7th, 1933]. Stalin I. V. *Sochineniya,* vol. 13, Moscow.

Stalin I. V. (1949a). K voprosam agrarnoj politiki v SSSR. Rech' na konferencii agrarnikov-marksistov 27 dekabrya 1929 g. [The agrarian policy in the USSR. Speech at the conference of agricultural economists-Marxists on December, 27th, 1929]. Stalin I. V. *Sochineniya,* vol. 12, Moscow, pp. 141–172.

Stalin I. V. (1949b). Na hlebnom fronte. Iz besedy so studentami Instituta krasnoj professury, Komakademii i Sverdlovskogo universiteta 28 maya 1928 g. [At the grain front. From discussions with students of Institute of Red Professorate, Communist Academy and Sverdlovsk university on May, 28th, 1928]. Stalin I. V. *Sochineniya,* vol. 11, Moscow.

Stalin I. V. (1949v). O rabote aprel'skogo ob'edinennogo plenuma CK i CKK [On the work of April incorporated plenum of the Central Committee and the Central Control commission]. Stalin I. V. *Sochineniya,* vol. 11, Moscow.

Stalin I. V. (1949g). O hlebozagotovkah i perspektivah razvitiya sel'skogo hozyajstva (Iz vystuplenij v razlichnyh regionah Sibiri v yanvare 1928 g) [On grain-collections and prospects of development of agriculture (From speeches in various regions of Siberia in January 1928)]. Stalin I. V. *Sochineniya,* vol. 11, Moscow, pp. 2–4.

Stalin I. V. (1953b). Otchetnyj doklad XVII s'ezdu partii o rabote CK VKP(b) 26 yanvarya 1934 g. [The report to the XVII congress about the Central Committee of the Communist party on January, 26th, 1934]. Stalin I. V. *Sochineniya*, vol. 13, Moscow, pp. 320–321.

Stalin I. V. (1949d). Pervye itogi zagotovitel'noj kampanii i dal'nejshie zadachi partii. Ko vsem organizaciyam VKP(b) [The first results of grain campaign and further tasks of the party. To all organisations of the Communist party]. Stalin I. V. *Sochineniya,* vol. 11, Moscow.

XX s'ezda KPSS i zadachi istorii partii (1956) [XX congress of the Communist party of the Soviet Union and the tasks oh the history of the party]. *Voprosy istorii,* no 3.